

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 316.62–053.6:94(47)''1913/1915''

ОТ ИГРЫ К САМОУБИЙСТВУ: СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. Б. Аксенов

Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики

В статье рассматривается динамика поведенческих практик учащейся молодежи в период первой мировой войны, проявившаяся как в изменении тем детских игр, росте детского патриотизма и бегства на фронт, так и обернувшейся психологическим кризисом, вызвавшим череду самоубийств.

Ключевые слова: Первая мировая война, молодежь, социальная активность, игра, самоубийство.

Первая мировая война, как и любой период ломки привычной повседневности, негативно отразилась на психологическом состоянии социума. Уже в сентябре 1914 г. В. М. Бехтерев в статье «Психические заболевания и война» обратил внимание на всплеск душевных расстройств как на фронте, так и в тылу¹. В дальнейшем происходило постепенное увеличение смертности от психических заболеваний. Так, если среднемесячная смертность душевнобольных в Петербурге в 1913 г. составляла 69,9 человека, то в 1914 г. она поднялась до 72,4 человека, а в 1915 г. составила 81,6 человек в месяц². Обратной пропорциональной кривой колебаний смертности от душевных расстройств и самоубийств позволяет также связать последний феномен с психологической динамикой общества.

Хотя значительному числу обывателей эти статистические данные были недоступны, тем не менее опасения общественности вызывало влияние войны на детскую психику. Известный русский психолог, педагог М. М. Рубинштейн писал в 1915 г. в журнале «Вестник воспитания»: «Война по всему её характеру способна заложить в душе детей такие семена, из которых в будущем могут вырасти сорные травы, способные заглушить все злаки, все, взлелеянное многовековыми усилиями миллионов людей»³. Для подобных опасений были все причины, так как в разговорах с родителями, при наблюдении за поведением младших школьников обнаруживались некоторые поведенческие и психологические изменения. В журнале «Вестник воспитания» за 1914–1915 гг. неоднократно появлялись сообщения о дест-

¹ Московский листок. 1914. 20 сентября.

² Подсчитано по: Ежемесячник статистического отделения петроградской городской управы. 1913–1915 гг.

³ Рубинштейн М. М. Война и дети // Вестник воспитания. 1915. № 2. С. 5.

руктивном воздействии военного времени на детское поведение. Часто главной причиной повышенной нервозности детей выступали разговоры взрослых. Так, некий семилетний Коля, оставшись с одной матерью, часто слушал её рассказы о немецких зверствах, почерпнутых из газет. Постепенно мальчик всё чаще стал замыкаться в себе, у него нарушился сон, а потом по ночам он иногда начал кричать: «Мама, я боюсь! Немцы пришли в Москву, они нас зарежут, они меня душат! Мама, спаси меня!»⁴. Многим война, фронт мыслились чем-то вроде наказания: пятилетняя Нина, рассердившаяся на свою маму за то, что та наказала её братика, воскликнула: «Вот пусть бы её послали на войну, чтобы она знала, как обижать Колю!»⁵.

Как и взрослые, дети задумывались о причинах войны и ответы находили в стереотипных поведенческих практиках, известных по личному опыту. Рубинштейн приводит диалог двух мальчиков, шестилетнего Вити и семилетнего Володи, перед сном, лежа в кроватках: «Витя: “А зачем он (Вильгельм) начал воевать?” Володя: “Да он и не хотел. Знаешь, он ушёл в город за покупками, а сыновья его остались одни; вот они взяли и объявили войну”. После некоторого молчания и, по-видимому, раздумья над данным ему объяснением Витя произнес: “Ну, а что же смотрела их мама?”»⁶.

Примечательно, что данное объяснение начала войны, в действительности, выглядит не наивнее тех предположений и слухов, которые рождались в деревенской среде. По крайней мере, печать сообщала о сыновьях императора, сражавшихся в немецкой армии. Представляя Вильгельма в Берлине, а его сыновей на войне, дети делали вполне логичные выводы о том, кому из них война была нужнее. Возможно, опытно-архетипическое образное мышление, свойственное малым детям и неграмотным, не вовлеченным в мировую текстовую культуру крестьянам, предопределяло общие принципы рождения образов и значений.

Определённые опасения педагогов вызывали детские игры, ставшие более жестокими. Любимая игра в казаки-разбойники сменилась игрой «немцы-русские». Увлечённые дети иногда довольно сильно били представителей «вражеской команды», в связи с чем никто не хотел быть «немцем». Определение в эту команду происходило либо по жребию, либо в неё записывали провинившихся в чем-то детей. Мать, озабоченная проявлениями жестокости в играх своих сыновей, писала из Киева в «Вестник воспитания»: «Мои мальчики целые дни воюют. Крыша нового чердака – их излюбленная позиция, а груши, немилосердно срываемые с дерева, – пули. Женя (9 ½ лет) большею частью занимает крышу, неся с собой старый железный кувшин, наполненный грушами. Сережа (6 ½ л.) и Андрюша (сын кухарки, 8 лет) – внизу. Перед ними большая корзина, с которой ходят на базар, тоже с пулями. Сражение жаркое. По двору пройти нельзя. Я удивляюсь, как они не плачут от получаемых ударов. Чувствую, что здесь много вредных моментов и не знаю, как на них реагировать. Допустимо ли такое разгорание страстей.

⁴ Рубинштейн М. М. Указ. соч. С. 10.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 20.

Особенно Сережа возбуждается. Он прибежал как-то ко мне весь красный, потный, с горящими ненавистью глазами. На щеке пятно от удара грушей. Оказывается, он с Андрюшей выгнали Женю со двора и погнали по улице... Ненависти и злобы в этой игре много... Меня удивляет, что даже маленький Миша, которому всего 3 ½ года, так проникся воинственным духом. Он целыми днями либо марширует по двору с палкой вместо ружья или сражается с пятилетним Колей (сын дворника)»⁷. Но сильнее всего детская жестокость проявлялась в тех случаях, когда не найдя кандидатов на роль «немцев», дети в них определяли дворовых кошек и собак. Часто такие игры заканчивались гибелью бедных животных.

Повторяя за взрослыми их разговоры, дети в беседах друг с другом нередко поднимали серьёзные политические темы: начинали обсуждать послевоенное устройство мира (Россия должна получить всю Германию, а немцам оставить один Мюнхен), судьбу Вильгельма II (дети-школьники предлагали сослать его на о. Св. Елены), вслед за старшими озвучивали ксенофобские теории, считая евреев виновниками мирового конфликта, в школах подвергали травле учеников с немецкими фамилиями⁸.

Вместе с тем война приучала детей и к состраданию. Многие жители городов брали в свои дома раненых, которым не хватало места в больницах. Отмечались случаи, как маленькие дети предлагали раненым свои кровати, отдавали самые любимые игрушки. Детская наивность и непосредственность как нельзя лучше отражали различные грани социально-психологической динамики общества. Когда по городам прокатилась первая волна германофобии, часть детей, вероятно, под влиянием семейных разговоров, сочувственно отнеслась к немецким подданным в России. Мать 12-летней гимназистки сообщила редакции журнала, что её дочь долго упрашивала взять к себе гимназистку-немку: «... возьмём, мама, и спрячем эту немку к себе, спрячем в ванную, пока кончится война»⁹.

Любопытным источником изучения психологии детского восприятия являются рисунки военного времени, отражавшие те явления, которые больше всего поражали, трогали детей. Педагог В.Воронов вспоминал: «Один мальчуган, говоривший мне, что “у нас дома тоже есть раненый”, принёс мне рисунок, изображающий комод, кровать и картину на стене; над кроватью были видны многочисленные следы контура какого-то длинного существа, которое художник, очевидно, никак не мог уложить на кровать. Быть может, злая насмешка домашних лишила мальчика уверенности, быть может, его собственное требование к своему изображению, перед ярким и новым образом действительности, слишком увеличилось, но только он отдал мне рисунок, где над кроватью, на контурных следах его авторской неудачи, была решительная надпись: “ушел”»¹⁰.

⁷ Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4. С. 136–137.

⁸ Рубинштейн М. Указ. соч. С. 31.

⁹ Звягинцев Е. Указ. соч. С. 155.

¹⁰ Воронов В. Война в рисунках детей // Вестник воспитания. 1915. № 2. С. 47.

Рисунки детей не могли не беспокоить взрослых запечатлением ужасов войны: лужи крови, отрубленные головы и прочие части тела, раненые воины, взрывы снарядов – все это, преломляясь в сознании детей, находило отражение в их творчестве. Вместе с тем специалисты отмечали, что явления действительности, вызывавшие содрогания у взрослого человека, у ребёнка порождали лишь любопытство, в связи с чем излишнюю детализацию воинских увечий на рисунках объясняли не проснувшейся детской жестокостью, а характерной для данного возраста игровой формой познания мира: «Если же, увлечённый блестящими красками боя и движения, юный школьник и рисует отрубленную голову, то делает он это без всякого содрогания и ужаса, совершенно так же, как бы он рисовал разломанную игрушку»¹¹.

Педагоги отмечали, что в силу большей политизированности городов война сильнее отразилась на психике городских, нежели сельских детей. Город с его постоянно менявшимися злободневными темами, бурной жизнью порождал в детском сознании образные фантастические картины, дети додумывали то, что не могли знать. В среде крестьянских детей больше была заметна наблюдательность. При этом отказать в образном мышлении сельскому ребёнку нельзя, только образы эти чаще всего брались из окружающей природы. Характерно сочинение учащегося III отделения сельской школы под заглавием «Грустные люди», в котором образно, но вместе с тем весьма точно передаются настроения крестьян периода первой мобилизации: «Объявила Германия войну. Из городов тронули солдат, которые не отслужили начальную службу. Пошёл слух по всем деревням, стали набирать солдат и ополченцев. Жены и матери услышали, стали плакать да вопить. По всей деревне пошёл вопль, крик, а мужики ходят печальные, на глазах слезы. На другой день повезли солдат в город, а жены плачут, обнимают мужьёв, не пускают их, а они утешают жён. После этой наборки в деревне стало скучно, грустно. Деревня стоит, как лес дремучий. Бабы на колодцах говорят про войну, про мужьёв, кого куда назначили. Все бабы и мужики невесёлые, как будто осенний цвет. У окон деревня стоят, по верхушкам ветер плывет, словно волна. В деревне тихо, смирно, ни одной птицы не слышен звук, а по улице широкой пыль идёт, взвизывает столбом»¹².

Дети постарше пытались внести свою лепту в дело победы. Как в мире взрослых, так и среди детей можно было обнаружить известную «профессиональную» дифференциацию по гендерному фактору: если девочки, подражая мамам и старшим сёстрам, участвовали в благотворительных акциях, то мальчики мечтали о сражениях на фронте. В августе 1914 г., когда дети с родителями отдыхали на дачах, в повседневный досуг вошла практика патриотических митингов-концертов, устраивавшихся силами самих дачников. Принимали в них участие и дети: разыгрывали на злобу

¹¹ Воронов В. Указ. соч. С. 53.

¹² Потемкин И. Е. Отражение войны в детской психике // Вестник воспитания. 1915. № 8. С. 202–203.

дня спектакли с участием кукол, читали стихи, играли на музыкальных инструментах, продавали взрослым собственные поделки, а полученную выручку отправляли в фонды помощи воинам¹³.

Опасный размах с первых месяцев войны приобрело детское бегство на войну. Среди детей ходили небылицы о чудесах героизма, которые проявляли их сверстники, о том, какими почестями их награждали по возвращении домой. Когда же становилось известно, что таким беглецом-героем был не абстрактный мальчик, а конкретный знакомый со двора, то идея убежать из дома на войну из фантастической превращалась в реальную.

В декабре 1914 г. ученикам двух классов петроградской начальной школы Тименкова-Фролова было предложено написать сочинение о войне в форме письма к другу. Из одной работы становится известно, что из этой школы на фронт убежали два ученика, в другом сочинении-письме учащийся Н. Воронов рассказал историю мальчика Коли. Колю согласился взять с собой солдат на Варшавском вокзале Петрограда. Мальчик забрался под лавку, солдат задвинул его чемоданом, накрыл подушкой, и таким образом они доехали до Варшавы. В Варшаве кондукторы очередной раз обыскали поезд на наличие мальчиков-беглецов, поймали нескольких ребят, но Колю не нашли. В дальнейшем Коля добрался до фронта, путешествуя в солдатской шинели, которую ему подарил солдат. По словам мальчика, он «побывал на войне и озяб и заболел лихорадкой»¹⁴. В конце концов Коля вновь оказался в Варшаве, где его поймал начальник станции и с кондуктором отправил домой. Рассказанная история не выглядит правдоподобной, вероятно, мальчик не добрался до фронта, а был схвачен вскоре по прибытии в Варшаву, однако гордость не позволила ему признаться, что на войне он так и не побывал. В то же время на Воронова, пересказавшего эту историю, она, безусловно, сильно действовала.

Под влиянием подобной героики бегство детей на фронт чуть было не приобрело массово-организованный характер. 14 октября 1914 г. в Петрограде была пресечена попытка коллективного побега мальчиков на фронт. В ней участвовало 11 учеников различных гимназий в возрасте от 12 до 13 лет¹⁵.

С другой стороны, прикоснувшись непосредственно к новым будничным условиям военного времени, многие дети испытали разочарование. В школьных сочинениях наблюдается последовательная динамика психического состояния детей в первые месяцы войны – от любопытства и радости через удивление и разочарование до грусти и страдания за близких людей. Первые положительные эмоции были связаны с появлением новых, первоначально безопасных явлений повседневной жизни – патриотические митинги на улицах, которые интересно было рассматривать и слушать, новые темы разговоров родителей и т. д. Ученик Е. Федоров так описал свой

¹³ Петербургский листок. 1914. 18 авг.

¹⁴ Школьные сочинения о первой мировой войне // Российский архив. М., 1995. Вып. 6. С. 456–457.

¹⁵ Петроградский листок. 1914. 15 окт.

привычный досуг: «... После школы я занимаюсь чтением книг, слушаю граммофон, поиграю вместе с братом... и ещё занимаюсь выпилкой из дерева... Но больше всего я интересуюсь войной! Читаю газеты, но люблю слушать, когда старшие рассказывают о войне...»¹⁶.

Другой мальчик отметил, что ему очень нравится солдатское пение, которым сопровождаются бесконечные учения солдат¹⁷. Митинги, солдатские песни и учения ассоциировались в сознании детей с каким-то общенациональным праздником, во время которого всем должно быть весело. Однако дети вскоре обнаружили, что кроме них никто более веселиться не собирается: «Наутро вместо великой радости, веселого смеха и песен послышались рыдания и вопли. Все должны были отправлять мужей, отцов или сыновей»¹⁸.

Школьники обращали внимание на неожиданные перемены, произошедшие с их знакомыми: «Рядом с нашей дачей была дача № 16, там жил дворник по имени Николай... Жена его была всегда веселая, бывало, посмотришь, а она ходит по дороге да песни поет, а теперь посмотришь – она только плачет»¹⁹.

Вскоре прежние весёлые игры стали терять значение для детей: «Погода в Петрограде ничего, все снег идёт... а на коньках редко когда катаюсь». И тут же мальчик объясняет причину: «Дома не особенно весело. Владимиру надо призываться 3 февраля»²⁰.

Разочарование приводило к такому социальному феномену, как детский суицид. Парадокс суицида заключается в его амбивалентности, в том, что он в равной степени является формой активного протеста против несправедливости внешнего мира, но и, наоборот, следствием апатичного, депрессивного состояния. Однако в обоих случаях истоки детских самоубийств, как правило, объясняются неблагополучной домашней атмосферой.

Тема самоубийства стала весьма популярной в российском обществе начала XX в., заняла значимую часть художественных произведений, однако рано повзрослевшая молодежь, увлекшаяся идеей всеобщего осчастливления, в первую очередь оказывалась в группе риска. Собственно говоря, именно среди молодежи развивались ещё в XIX в. народнические революционные, анархические идеи, создавая в среде интеллигенции платформу будущих революционеров. В начале XX в. не только в высших учебных заведениях, но и в средней школе полным ходом формировались тенденции бунтарства. В целом поводом к студенческим и школьным волнениям, конечно же, являлась не столько политическая ситуация в стране, сколько более узкие вопросы университетского и школьного управления, выплаты стипендий, пособий и пр. Цены на учебу постоянно росли, вследствие чего некоторым приходилось прекращать занятия. Молодежи, начитавшейся французских просветителей, английских утопистов, немецких социалистов

¹⁶ Школьные сочинения о первой мировой войне. С. 458.

¹⁷ Там же. С. 456.

¹⁸ Там же. С. 451.

¹⁹ Там же. С. 452.

²⁰ Там же. С. 454.

и пр., это казалось высшим проявлением социальной дисгармонии. Возрастная жажда справедливости толкала её на различные формы протеста. Примечательно, что эпицентром подобного неповиновения выступали отнюдь не политические группы. Инициаторами являлись члены всевозможных литературно-философских кружков, существовавших практически в каждой гимназии, не говоря уже о вузах. Несмотря на то, что за ними устанавливался тайный надзор полиции, члены кружков занимались распространением революционных, чаще социалистических, листовок, брошюр.

Изучение философских теорий, перемешанных с восточными мистическими учениями, чтение запрещённой социалистической литературы создавали тот психологический настрой, при котором неудовлетворённая жажда справедливости моментально сменялась извращённым пониманием самопожертвования, доводя психику индивида до критической отметки: юные революционеры, каковыми они себя считали, довольно быстро расставались с жизнью при малейшей иллюзии крушения своих идеалов или провале запланированных кружком мероприятий. В этом случае молодые люди оставляли после себя предсмертные записки, «объяснявшие» причины самоубийства. Наиболее частым объяснением было разочарование в политической системе общества, не способствовавшей гармоничному развитию внутреннего мира человека. Понимая невозможность непосредственного изменения сложившегося уклада, молодые люди предпочитали действовать опосредованно – через суицидальные акты влиять на общественное мнение. С другой стороны, взрослым людям, разбиравшимся в причинах этих происшествий, становилось ясно, что под политическим налётом скрывались более серьёзные социально-психологические проблемы, свойственные молодому поколению России начала века, спровоцированные всё той же опоздавшей модернизацией общества.

Молодёжь реагировала в соответствии с возрастными особенностями психики – не имея возможностей ликвидировать причины социально-политической несправедливости, она сводила счёты с собственной жизнью. Масштабы этих расчетов были обширны – в Петрограде в одной только Введенской гимназии за сентябрь – ноябрь 1912 г. по «политическим мотивам» совершили самоубийство свыше 45 учеников. В феврале 1912 г. петербургская, а затем и московская пресса начала публикацию серии сенсационных сообщений о действующих в столицах клубах Лиги самоубийц²¹. Хотя информация была схожа с известными циклами рассказов Р. Л. Стивенсона «Клуб самоубийц» и «Алмаз Раджи», сведениями заинтересовалась полиция, которая провела собственное расследование, так, впрочем, ничем и не закончившееся²². Показательно также и то, что по дознаниям «свидетелей» Лига была образована в конце 1900 г., т. е. того года, когда издательство П. П. Сойкина выпустило шеститомное полное собрание сочинений автора приключений принца Флоризеля.

²¹ Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1912. 6 февр.; Вечернее время. 1912. 10 февр.; Голос Москвы. 1912. 16 февр.; Земщина. 1912. 16 февр.

²² Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999. С. 194–196.

На семиотическом пространстве русской культуры начала XX в. лежала декадентско-символическая печать эпохи модерна, поэтому тема смерти, в том числе и добровольного ухода из жизни, объединяла писателей совершенно разных направлений: М. Арцыбашева, Ф. Сологуба, Л. Андреева, В. Иванова, А. Куприна и др. Двум первым было суждено стать главными «певцами смерти», именно их общественность заподозрила в организации Лиги самоубийств, а роман Арцыбашева «У последней черты», посвященный самоубийству семерых человек, хронологически совпавший с общественными дискуссиями вокруг «эпидемии самоубийств» в 1910–1912 гг., только укрепил общественное мнение в идее причастности литературы к данной социальной проблеме.

Очевидно, что связь семиотического и бытийного пространства многовариантна, характеризуется взаимовлиянием. Семиосфера реагировала на вызовы времени и революционное насилие, террор, охватившие российское общество и отраженные в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве, они формировали новое мировоззрение, в котором уход из жизни мыслился как акт свободного волеизъявления. Как отметила М. Могильнер, «самоубийство превращалось в альтернативный выход для эстетствующих интеллектуалов из тупика безвременья»²³. Однако значительная часть учащихся средних учебных заведений к этой субкультуре прямого отношения не имела, но была связана с ней опосредованно, через общие психофизиологические характеристики, предопределявшие романтическую увлеченность, питавшуюся широко тиражируемыми беллетристкой новомодными идеями декаданса.

Любопытно, что при расследовании причин самоубийств учащихся в анкетах часто указывалось, увлекался погибший беллетристкой или нет. Учитывая, что кинематограф тиражировал идеи той же самой упаднической литературы, некоторые губернаторы издавали распоряжения, запрещающие посещение кинематографа детьми ввиду его «разлагающего влияния»²⁴. И хотя проследить прямую причинно-следственную связь между кинематографическим суицидом и самоубийством отдельного гимназиста довольно сложно, случались самоубийства детей, потративших причитавшиеся для оплаты квартиры деньги на кино и мороженое²⁵.

Отдельные исследователи в самоубийствах учащихся видели недостатки педагогической системы. Вместе с тем, хотя самоубийства детей в возрасте до 20 лет и составляли до 42 % всех случаев, из них на самоубийства учащихся приходилось не более 10 %²⁶, что свидетельствует о преобладании психолого-возрастных особенностей над социальным фактором. При этом самоубийства гимназистов, имевшие ряд общих признаков, вполне можно выделить в отдельную категорию.

²³ Могильнер М. Указ. соч. С. 196–197.

²⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 797. Оп. 86. Д. 221. Л. 1–2.

²⁵ Там же. Ф. 733. Оп. 199. Д. 328. Л. 156.

²⁶ Статистик. Самоубийство как социальное явление. СПб., 1913. С. 142–143.

Начало Первой мировой войны не однозначно проявилось в феномене детского суицида. С одной стороны, бурные события должны были отвлечь внимание молодёжи от прежних проблем, предоставить новые темы для рассуждений. С другой стороны, особенно это касается сельской местности, переживаемая деревней трагедия мобилизации не могла не отразиться на впечатлительной детской натуре, ввиду чего в июле – августе 1914 г. происходит ряд самоубийств, вызванных уходом родных на фронт. Так, в августе в с. Поповка Полтавской губернии случилось коллективное самоубийство: счёты с жизнью свели два друга, учащиеся двухклассного Петровского земского народного училища Дорофей Олексенко, 15 лет, и Иван Черненко, 14 лет. Священник Николаевской церкви с. Поповки в рапорте от 17 августа 1914 г. обратился с просьбой к епархиальному начальству разрешить ему совершить отпевание несчастных по христианскому обряду, предполагая, что самоубийства «произошли в состоянии острого психоза, вызванного обстоятельствами войны, которые особенно сильно могли подействовать на душу самоубийц, а именно: неожиданно большой призыв запасных в с. Поповка, вызвавший столько слёз и воплей, что жутко стало в селе; потрясающие сцены проводов запасных со станции города Константинограда, где нельзя было удержаться от слез...; чтение газет, ярко изображающих жестокое обращение немцев с русскими»²⁷. Дело это рассматривалось вплоть до октября следующего года, и в итоге священнику отказали, так как епископ Полтавский и Переяславский Феофан, а также вслед за ним и Синод не сочли доказанным то, что самоубийство произошло в приступе безумия.

Любопытно, что расследования самоубийств были тем редким случаем, когда общество, в лице семей погибших и их близких, могло испытывать чувство благодарности к полиции: когда не было явных улик, указывающих на самоубийство, полиция иногда предпочитала оформить происшествие в качестве несчастного случая, для того чтобы родственники могли захоронить погибшего по православному обряду. В случаях с повешенными подсказывала близким, что обойти церковные нормы можно добыв врачебную справку о сумасшествии суицидента. Но даже в этом случае последнее слово оставалось за священником. Так, мещанин Сергиевского посада Московской губернии Григорий Зотов умер, приняв в больнице, где лечился от нервного расстройства, смертельную дозу сулемы. Полицейский оформил смерть как самоубийство в состоянии умственного помешательства, что подтвердил и врач Гаврисевич. Да и сам факт совершения самоубийства нервным больным, состоявшим на стационарном лечении, мог быть достаточным основанием для неприменения к нему известных церковных санкций. Вместе с тем священнику о. Тополеву, хорошо знавшему Зотова, было известно, что последний накануне гибели находился в здравом уме, о чем он донёс епархиальному начальству. Вдова покойного направила прошение о разрешении захоронения мужа по православному обряду, но ей было отказано. В постановлении Св. Синода было

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд 6. 2 ст. Д. 82. Л. 7–7 об.

сказано: «... Хотя полицейский надзиратель в своём сообщении и говорит о временном помешательстве Зотова при самоотравлении сулемой, но это свидетельство полицейского надзирателя, помимо того, что оно вообще не может иметь решающего значения по вопросу о психическом состоянии самоубийцы, покрывается противоположным показанием местного священника о сознательном самоубийстве Зотова»²⁸. Таким образом, мнение одного священника перевесило мнения полицейского надзирателя и врача. Подобные конфликты отдаляли друг от друга церковь и общество, особенно в случаях, когда дело касалось детей-самоубийц.

Как уже было отмечено, влияние войны на детскую психику было не однозначным. Бурные события первых военных месяцев для некоторых потенциальных суицидентов стали своего рода разрядкой, что подтверждается статистическими данными. Так, например, в Москве ежемесячно с января по июль 1914 г. счёты с жизнью сводили в среднем 32,4 человека, в то время как за период с августа по декабрь – «всего» 13,4²⁹. Подобное снижение суицидальной активности почти в два с половиной раза произошло во многом за счёт молодёжи, чьё внимание теперь полностью было поглощено событиями на фронте. Создание различных союзов учащихся в средних и высших заведениях, устраивавших заседания, выносивших резолюции по различным общественно-политическим вопросам, организовывавших манифестации – всё это отвлекало молодых людей от дурных мыслей. Московская студентка Е. Ушакова писала своей знакомой в Пермь: «Не знаю как в Перми, а здесь студенчество уже зашевелилось. Вчера, на собрании «Студенческого дома», было сделано внеочередное заявление о докладе Керенского в Юридическом Обществе о последних событиях в Петрограде... Вообще, жизнь здесь начинает быть интересной и я решила на время отложить попытку повеситься: интересно, что будет»³⁰.

Однако общественное оживление оказывало лишь кратковременный эффект на тех, для кого мысль о самоубийстве становилась навязчивой. За период войны встречается достаточно много писем подростково-суицидентов, в которых они жалуются на скуку, бессмысленность существования. Так, покончила жизнь самоубийством семнадцатилетняя Юлия Скляренко, ученица VII класса Валуйской Мариинской женской гимназии Воронежской губернии. В отчёте отмечалось, что девушка застрелилась без видимых на то причин, так как училась хорошо, романа не имела, но жила без отца. Кроме того, на фронте воевал её брат, с которым она всегда была близка, откровенна. Накануне самоубийства Юля написала ему письмо: «Дорогой милый мой Коляша, братишка мой, так тяжело, бесконечная тоска захватывает своими щупальцами и давит сердце. И без причины бы; мутно, мутно на душе; не верю и не надеюсь ни на что; просто скучны мне все и всё до тошноты. Ничего неожиданного, неизвестного; пресно, как вода, и

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд 6. 2 ст. Д. 121. Л. 9 об.– 10.

²⁹ Подсчитано по: Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. 1914.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ) Ф. 102. Оп. 265. Д. 1047. Л. 29.

известно, размечено, распределено. Все закономерно и регулярно, как машина. Знаешь, что вчера, сегодня и завтра одно и то же; что Волга вспять не потечёт (из разнообразия хотя бы), что лампа – это лампа и папироса – папироса, и не в силах обмануть себя и принять папиросу за лампу. Даже вот иллюзий нет. Брр! Какая серая скука заползает во все уголки пустой души, как холодные змейки свернулись там клубком и лежат, лежат неподвижно, одинаковые, бесцветные»³¹.

Перед самоубийством, тихонько взяв револьвер, Юлия сказала мальчику-квартиранту: «Скоро ты услышишь большую новость» – и, выйдя во двор, застрелилась. Вероятно, в данном случае важным фактором решения девушки свести счёты с жизнью были семейные неурядицы. Призыв на войну людей, с которыми у подростков были тесные душевные отношения, менял сложившуюся картину повседневной жизни, становился фактором глубокой депрессии, провоцировавшей суицидальные мысли.

Ещё один мотив сведения счётов с жизнью у подростков – когда родители не отпускали их на фронт. Здесь также переплетались наивные юношеские мечты стать героем и желание разрушить приевшийся, наскучивший быт, особенно тогда, когда он являлся источником тех или иных проблем. В последнем варианте желание уйти на войну можно рассматривать как бегство от текущих проблем. Так, в ночь на 8 января 1915 г. повесился ученик VI класса Екатерининско-Александринской Луганской мужской гимназии девятнадцатилетний Сергей Сахновский. Директор гимназии поручил помощнику классных наставников А. Альбрехту разобраться в причинах, и тот в рапорте сообщил, что, со слов отца самоубийцы, священника Сахновского, причиной стал его категорический отказ отпустить сына в действующую армию до сдачи экзаменов за VI класс, кроме того священник Сахновский отобрал у сына его паспорт. При этом отец не был против ухода сына на фронт после сдачи всех экзаменов, в связи с чем ещё 23 декабря 1914 г. подал письменное прошение, где выразил своё согласие на допущение сына к испытаниям в январе и на поступление его добровольцем в армию. Сам же Сергей не только не подал письменное прошение о допущении его к ускоренным испытаниям, но даже устно не заявил об этом администрации гимназии. Скорее всего, затея с уходом в армию была вызвана именно боязнью экзаменационных испытаний вкупе с домашними неурядицами. Как стало известно, священник Сахновский был вдов и один воспитывал шестерых несовершеннолетних детей. С Сергеем у него складывались самые сложные отношения. В своём рапорте о случившейся трагедии Альбрехт отмечал: «К сему должен добавить, что условия домашней жизни бывшего ученика 6-го класса Сахновского вообще были в высшей степени неблагоприятны, и между отцом и сыном давно установились не столько молчаливые, сколько обострённые и даже враждебные отношения, о чём приходится слышать и от членов учебно-воспитательной корпорации, и от товарищей ученика, и от сторонних лиц»³². Усугубляла обстановку и низкая успеваемость Сергея: в

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 360. Л. 65.

³² Там же. Д. 328. Л. 54.

1912 г. он был оставлен на второй год в IV классе, при переходе в V и VI классы имел «хвосты» по некоторым экзаменам; в его кондуите содержались замечания по курению на улице, дурного поведения вне стен гимназии, общению с хулиганами. Мысль об уходе в армию добровольцем пришла Сергею сразу с началом войны, о чём он и начал упрощать своего отца. Но Сахновский-старший был непреклонен, требуя от сына получить сначала свидетельство хотя бы за шесть классов.

Характерным было суицидальное поведение у детей беженцев, особенно, когда они относились к лицам не коронной нации. 7 февраля 1915 г. в г. Андижане Ферганской области в городском саду пыталась покончить жизнь самоубийством шестнадцатилетняя ученица Андижанской женской прогимназии еврейка Сара Непомнящая, выпив раствор карболовой кислоты³³. Как отмечалось в протоколе, вероятной причиной являлись частые ссоры с больной матерью из-за плохой успеваемости Сары. Девушку удалось спасти. В феврале 1916 г. председатель педагогического совета Черкасской женской гимназии А. В. Самойлов сообщал в Министерство народного просвещения о покушении на самоубийство 16 ноября 1915 г. ученицы VII класса Любовь Кабаловой путём принятия внутрь раствора нашатырного спирта. Причиной покушения на самоубийство, согласно оставленному ученицей письму, было тяжёлое и удручённое состояние в связи с гибелью на войне жениха – военного летчика. Люба приехала в Черкасск из г. Пинска Минской губернии и до несчастного случая училась в гимназии менее месяца. Попытка суицида не удалась, и девушка осталась жить³⁴. Директор народных училищ Петроградской губернии писал в Министерство народного просвещения о суициде ученика Нарвского высшего начального училища шестнадцатилетнего эстонца Эдуарда Лемона. Он был круглым сиротой, жил в собственном доме вместе с беженцами. На перемене между занятиями выбросился из окна второго этажа. Причинами самоубийства назывались тяжёлый быт и плохая успеваемость юноши³⁵.

Общественность, реагируя на сообщения о самоубийствах детей, традиционно винила в этом педагогическую систему. Однако в период войны внимание российских подданных было особенно приковано к вопросу, по каким именно предметам не успевал ученик. Если оказывалось, что учащийся имел низкую успеваемость по немецкому языку, то на преподавателя обрушивалась травля, заканчивавшаяся, как правило, его увольнением. Подобная история разыгралась в г. Мелитополе Таврической губернии 3 марта 1915 г., когда ученица VII класса городской женской гимназии Вера Ефимова застрелилась из револьвера. В тот день Вера на уроке письменного немецкого языка была поймана за списыванием преподавательницей Е. Ф. Фидлер. Фидлер отобрала у ученицы листок со словами: «Я полагала, что в 7-м классе на письменном ответе могу сидеть спокойно, в полной уверенности, что ученицы при исполнении работы ни в

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 328. Л. 162.

³⁴ Там же. Л. 106–111.

³⁵ Там же. Л. 51–51 об.

кчем случае не позволят себе пользоваться недозволенными средствами... Вы же, Ефимова, позволили себе попытку обмануть меня. Я думала, что вы девушка честная, оказывается, я ошиблась. Вы поступили нечестно, и я вынуждена доложить об этом г. директору»³⁶. Вера упрашивала учительницу не сообщать директору, но та ничего определённого ей не обещала. Правда, Фидлер позволила Ефимовой переписать работу ещё раз, но Вера по результатам получила только 3 балла. Хотя, по показаниям подруг, она на следующих уроках была совершенно спокойна, придя домой и рассказав о случившемся брату, Вера получила ответ, что за списывание могут и исключить из гимназии, после чего она застрелилась. Начальница мелитопольской женской гимназии в показаниях предположила, что истинные причины самоубийства были семейные: «Разговаривая со многими лицами о причинах самоубийства Ефимовой, мне пришлось не раз слышать указания на семейные отношения, главным образом отца к матери, правда, как слухи. Сообщали, будто бы сын просил отца и мать прекратить ссоры, иначе он покончит с собой. Говорили также, что, когда сын узнал о самоубийстве своей любимой сестры, он крикнул: “Ты меня предупредила. Винават отец”»³⁷. Однако история стала достоянием гласности, её принялись освещать в провинциальной печати, и скоро она появилась даже в петроградском «Новом времени» с новой интерпретацией произошедшего на уроке диалога между учительницей и ученицей: «...– А, у вас шпаргалка!.. – злобно прошипела г-жа Фидлер. – Ну, голубушка, не считала вас способной на такую мерзость. Конечно я доложу об этом педагогическому совету... Но не беспокойтесь, – наказания вам за это не будет: за такие вещи только исключают из гимназии...»³⁸ Статья заканчивалась словами: «Г-же Фидлер следовало бы действовать в рядах генерала Гинденбурга, а не занимать место в русской школе». Тем не менее председатель педагогического совета мелитопольской женской гимназии в своём заключении причинами самоубийства Веры назвал «неблагоприятные домашние обстоятельства», сославшись на показания близкой подруги Ронько, которой не было на уроке немецкого и которая о случившемся узнала от самой покойной: «Ронько, встретившись с Ефимовой после урока на перемене, ничего ненормального в её настроении не заметила, и о самом случае Ефимова ей рассказала настолько спокойно, что Ронько не придавала ему никакого значения»³⁹. Однако в докладе попечителя Одесского учебного округа от 27 мая 1915 г., наоборот, утверждалось, что случай на уроке немецкого произвёл на девочку очень сильное впечатление; родительский комитет также решил, что поводом к самоубийству Веры явилось «грубое, жестокое, бессердечное издевательство, проявленное над нею г-жей Фидлер на уроке немецкого языка». В результате председатель педагогического совета изменил свои показания, дополнив их новой характеристикой Фидлер, в ко-

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 328. Л. 286–286 об.

³⁷ Там же. Л. 293.

³⁸ Там же. Л. 297.

³⁹ Там же. Л. 295 об.–296.

торой отметил, что «Фидлер женщина неумная, всегда нетактичная, отличается самомнением, что объясняется недостатком её умственного кругозора, который, однако, не имеет влияния на её преподавание»⁴⁰. Примером нетактичности указывалось то, что учительница немецкого языка Фидлер иногда в учительской позволяла себе говорить по-немецки. Правда, новая характеристика дела не спасла председателя: итогом раздутого в обществе скандала стало увольнение Фидлер, освобождение от должности председателя педагогического совета статского советника Александровского и объявление строгого выговора начальнице гимназии г-же Петровой.

Другим веянием военного времени стало разнообразие самоубийств, совершавшихся на романтической почве, появились самоубийства по причине обречённой любви между русскими девушками и австрийскими пленными. Нужно сказать, что правительство активно боролось с нехваткой рабочих рук в городах и особенно в деревнях путём привлечения к работам военнопленных, главным образом австрийцев, так как те казались более лояльными по отношению к России, нежели немцы. Пленные в городах прикреплялись к предприятиям, выходили на полевые работы в деревнях, свободно общаясь с местными жителями, и в отдельных случаях не имели препятствий к перемещению внутри назначенного для поселения административного центра. Такое положение военнопленных возмущало обывателей. Один из них писал из захваченной русскими войсками Галиции в декабре 1914 г.: «Что делается во Львове, так просто поражает: пленные гуляют себе по улицам без всякого присмотра, народу разного сколько угодно; никто ни за чем не смотрит, и вообще, сколько там немецких шпионов»⁴¹.

В российской глубинке к пленным относились спокойнее, скорее с любопытством, чем с подозрением в шпионаже. В сельской местности бабы, мужики и пленные австрийцы вместе устраивали перекуры в поле, сидели на мельницах, ожидая своей очереди, беседовали на различные темы. Местная администрация положительно оценивала их работу. Так, предводитель дворянства г. Аткарска Саратовской губернии фон Гардер писал в апреле 1915 г.: «У нас сев идёт благополучно и не дорого благодаря военнопленным; они работают недурно»⁴².

В условиях острого дефицита мужского населения брачного возраста русские девушки воспринимали пленных как потенциальных женихов. Причём препятствием не считалась не только национальная принадлежность, но даже сочувствие пленным врагам России в войне. Некоторые девушки под воздействием слов своих возлюблённых заражались коллаборационистскими настроениями. Так, молодая мещанка г. Барнаула Анна Косачева, влюбившаяся в пленного австрийского офицера Костю, говорила в апреле 1915 г.: «Надо застрелить нашего государя и всех союзных, тогда

⁴⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 328. Л. 304.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 6.

⁴² Там же. Д. 1005. Л. 82.

кончится война, и я с Костей поеду во Львов, где и будем подданными Франца Иосифа»⁴³.

Таким образом, социально-психологические процессы, захватившие российский социум в период Первой мировой войны, отразились и на детской психике, приводя к формированию определенных поведенческих практик – от попыток бегства на фронт до совершения самоубийства. В обоих случаях проявлялась разная степень неудовлетворённости условиями повседневного существования как своеобразной формы протеста российской молодежи.

Список литературы

1. *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека». М., 1999.

FROM GAME TO SUICIDE: SOCIAL ACTIVITY OF YOUTH DURING THE FIRST WORLD WAR

V. B. Aksenov

The Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics and Automatics

In the article under analyses is dynamics of youth's behavior during World War I, shown as in change of subjects of childish games, growth of children's patriotism and flight on the front, and turned back the psychological crisis which has caused a train of suicides.

Keywords: *First World War, youth, social activity, game, suicide.*

Об авторе:

АКСЕНОВ Владислав Бэнович – Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики (МГТУ МИРЭА), кандидат исторических наук, доцент, e-mail: vlaks@mail.ru

About the authors:

AKSENOV Vladislav Benovich – Candidate of Historical Sciences, associate professor, The Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics and Automatics (119454 г. Москва, Проспект Вернадского, д. 78), e-mail: введите e-mail

References

- Mogil'ner M. Mifologiya «podpol'nogo cheloveka». M., 1999.

Статья поступила в редакцию 14.02.2013

⁴³ РГИА Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 362.

Научная библиотека ТВГУ